

На правах рукописи

Скрипай Инна Игоревна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННОЙ ОППОЗИЦИИ
«СВОЙ – ЧУЖОЙ» ВО ФРАЗЕОСИСТЕМЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Владикавказ – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Научный руководитель:

Дзахова Вероника Тамбиевна

доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский
государственный университет имени К.Л.
Хетагурова, профессор кафедры романо-
германских языков

Официальные оппоненты:

Китанина Элла Анатольевна

доктор филологических наук, профессор, ФГАУ
ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», профессор кафедры
русского языка и лингвокультурологии

Кравцов Сергей Михайлович

доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ
ВО «Южный федеральный университет»,
профессор кафедры романской филологии
Института филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный
университет», г. Майкоп

Защита состоится 11 декабря 2026 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 99.2.153.02 при ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» по адресу: 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46, конференц-зал ЮНЕСКО.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова по адресу: 362025, г. Владикавказ, ул. Церетели, 16, и на официальном сайте университета: <https://www.nosu.ru/wp-content/uploads/2026/09/dissertacija-skipaj-22.09.2026-gotovo.pdf>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

Б.В. Кунавин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено выявлению когнитивно-дискурсивных и лингвокультурологических механизмов репрезентации фундаментальной бинарной оппозиции «свой – чужой» в осетинской фразеологической системе. Фразеологический фонд языка представляет собой наиболее консервативный и культурно насыщенный пласт лексической системы, аккумулирующий в устойчивых образных выражениях исторический опыт, ценностные ориентации, модели социального взаимодействия и способы категоризации мира. Обращение к фразеологии как к объекту когнитивного и лингвокультурологического анализа позволяет не только реконструировать механизмы концептуализации действительности, но и выявить глубинные смысловые структуры, организующие представления этноса о человеке, обществе, норме и отклонении, о границах «своего» и «чужого», обеспечивая процессы этнической идентификации, социальной интеграции и культурной саморефлексии.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена переходом лингвистики к антропоцентрической парадигме, при котором фразеологизмы рассматриваются как «сгустки культурного кода» (В.Н. Телия), а также интенсивными процессами межъязыкового и межкультурного общения, трансформирующими традиционные механизмы разграничения "своего" и «чужого». Особый научный интерес в этом отношении представляет осетинский язык, который, сохраняя иранское генетическое основание, на протяжении веков функционирует в тесном контакте с разнотипными кавказскими и тюркскими языками, что обусловило включение в осетинскую фразеосистему компенсаторных и этноконсервирующих механизмов.

Наряду с этим актуальность определяется внедрением современных корпусных методов, позволяющих перейти от интуитивных и описательных подходов к верифицируемым количественным данным, а также отсутствием комплексных работ, направленных на выявление концептуальной структуры макрополей «хион» («свой») и «æцагæлон» («чужой»).

Степень разработанности темы. Фразеология осетинского языка изучена достаточно подробно, от инвентаризации и лексикографической кодификации (А.М. Шёгрэн, Вс.Ф. Миллер, В.И. Абаев, М.И. Исаев, З.Т. Дзабиты) через этнографические и антропологические исследования (Б.А. Калоев, А.Х. Магомедов, Л.А. Чибиров) к когнитивно-семиотическому анализу этнокультурных концептов (К.Г. Джусоева, Л.Б. Гацалова, Л.К. Парсиева, В.Т. Дзахова, Т.Ю. Тамерьян, М.В. Дарчиева и др.). Однако

комплексных работ, интегрирующих фреймовое моделирование, анализ внутренней формы и корпусную верификацию применительно к оппозиции «свой – чужой», до сих пор не проводилось. Настоящее диссертационное исследование ставит перед собой цель заполнить эту лакуну.

Объектом исследования, таким образом, является фразеологическая система осетинского языка.

Предметом исследования выступают фразеологические единицы осетинского языка, объективирующие этнокультурную оппозицию «хион – æцагæлон» («свой – чужой») в единстве их семантических, когнитивных, лингвокультурологических и дискурсивных характеристик.

Цель диссертационного исследования – комплексное описание концептуального строения осетинской фразеологической системы и выявление когнитивных механизмов репрезентации оппозиции «хион – æцагæлон».

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- обосновать применительно к осетинскому языковому материалу теоретико-методологическую базу исследования, синтезирующую концепции когнитивной фразеологии, фразеосемиозиса и лингвокультурологии;
- разграничить терминологический статус понятий фразеосемиозиса и фраземосемиозиса как микро- и макроуровней когнитивно-языкового означивания;
- разработать и визуализировать интегративную когнитивно-дискурсивную модель процесса фразеологизации на стыке довербального универсально-предметного кода и этнокультурных фильтров социума;
- выявить лингвокогнитивный потенциал внутренней формы осетинских фразеологизмов, доказав логическую и метафорическую природу их образных оснований;
- установить культурно-ценностные основания репрезентации оппозиции «хион – æцагæлон» на материале текстов Нартского эпоса и традиционного кодекса *Æгъдау*¹;
- провести корпусный анализ дистрибуции фразеологических единиц, верифицировать количественные показатели плотности и жанровой дифференциации их употребления в разных типах текстов;

¹ *Æгъдау* – осетинский традиционный этико-нормативный кодекс, не имеющий однословного русского эквивалента. В зависимости от контекста передается как «обычай», «этикет», «неписанный закон», «кодекс чести». В работе используется осетинский термин во избежание редукции его многозначной семантики.

– разработать концептуально-интегративную четырехуровневую модель осетинской фразеологической системы как иерархию когнитивных стратегий кодирования опыта;

– осуществить семантическую классификацию эмпирического материала, построив иерархическую матрицу онтологических типов близости и отчуждения в структуре концептов «хион» (свой) и «æцæгæлон» (чужой);

– систематизировать структурно-смысловые маркеры фразеологизмов, репрезентирующих оппозицию «хион – æцæгæлон», и разработать классификационную таблицу глаголов-операторов, формирующих интегративные и отчуждающие синонимические ряды;

– построить единую когнитивно-семиотическую типологию кодирования этнокультурного опыта в осетинской фразеосистеме, дифференцирующую исследуемые фразеологизмы по градуальной шкале прозрачности внутренней формы и по характеру когнитивных операций.

Материалом исследования послужили 3520 фрагментов репрезентаций 182 фразеологических единиц осетинского языка, отобранных из «Фразеологического словаря осетинского языка» З.Т. Дзабиты по семантическому критерию наличия в них компонентов оппозиции «хион» («свой») и «æцæгæлон» («чужой»). Для уточнения семантики и этимологии отобранных фразеологизмов привлекался историко-этимологический словарь В.И. Абаева. Верификация фразеологизмов осуществлялась в исследовательском корпусе (далее – ИК), включающем три типа текстов:

– художественные тексты осетинских писателей XIX–XX вв., отобранные из Национального корпуса осетинского языка (далее – НКОЯ), отражающие индивидуально-авторское осмысление оппозиции «хион – æцæгæлон»;

– публицистические тексты газеты «Рæстдзинад» за 2022–2025 гг., фиксирующие актуальное состояние языкового сознания и его реакцию на современные социальные процессы;

– эпические тексты Нартского эпоса по полному семитомному изданию «Нарты кадджытæ. Ирон адамы эпос» (далее – НК), сохраняющие архаические мифопоэтические модели.

Наряду с осетинским текстом эпоса, на материале которого верифицировались словарные фразеологизмы, привлекался русский перевод осетинских Нартских сказаний, выполненный Ю. Либединским (далее – ОНС), позволивший установить содержательные модели репрезентации оппозиции «свой – чужой» на уровне мотивов и сюжетов.

Общий объем исследовательского корпуса составил 8 028 980 словоупотреблений, распределённых по типам текстов следующим образом: художественные тексты – 3 987 391 (49,7 %), публицистические – 3 192 632 (39,8 %), эпические – 848 957 (10,6 %). Такая жанрово-стилистическая стратификация обеспечивает репрезентативность исследовательского корпуса и позволяет проследить эволюцию фразеологического знака от эпической формулы до гибких конструктов в современном дискурсе.

Методология исследования носит комплексный характер и опирается на принципы антропоцентризма, экспланаторности, интегративности и системности, принятые в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Интегративный характер методологии обусловлен сочетанием четырёх групп методов, соотнесенных с задачами исследования:

1) семантико-когнитивный анализ (описательный, сопоставительный, дефиниционный, этимологический, исторический, концептуальный) для изучения семантики и внутренней формы фразеологизмов;

2) когнитивное моделирование (фреймовый анализ, концептуальное и сценарное моделирование, анализ концептуальных метафор) для выявления когнитивных механизмов формирования фразеологической семантики;

3) корпусные методы (сплошная выборка, квантитативный анализ, расчёт плотности на 1 млн словоупотреблений, статистическая обработка) для верификации словарного состава и установления закономерностей дистрибуции ФЕ в разных типах текстов;

4) дискурсивный и лингвокультурологический анализ (дискурс-анализ, лингвокультурологический и семиотический анализ) для изучения функционирования ФЕ в текстах разных жанров и выявления культурных кодов оппозиции «хион – æцагæлон» («свой – чужой»).

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области:

– когнитивной фразеологии [Алефиренко 2011, 2015, 2016, 2017, 2019, 2021; Баранов, Добровольский 1997, 2008; Беляевская 2008, 2015, 2017; Иванова 2022; Телия 1996; Темиргазина 2015];

– когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [Арутюнова 1991; Карасик 2005; Красных 2003; Лакофф, Джонсон 2004; Маслова 2004; Сепир 2015; Степанов 2004; Уорф 2016];

– семиотики и фразеосемиозиса [Привалова 2006; Лотман 2002; Эко 2006; Peirce 1931];

– осетиноведения и осетинской фразеологии [Абаев 1949; Гацалова, Парсиева 2010; Дарчиева 2019; Джусоева 2018; Дзабиты 2018; Дзахова, Дзодзикова 2018; Дзуцева 2017; Исаев 1964; Колиева 2009; Моргоева 2015; Тамерьян 2020; Цопанова 2005, 2014];

– этнографии и культурной антропологии осетин [Гарданов 1995; Калоев 1971; Магомедов 2011; Мамиева 2014; Фидарова 2012; Хадикова 2013; Чибиров 2016];

– теории Нартского эпоса [Абаев 1990; Бесолова 2022; Дюмезиль 1976; Мамиева 2014; Цориева 2018; Чибиров 2016];

– дискурсивного и корпусного анализа [ван Дейк 1998; Карасик 2005; Кубрякова 2004; Шейгал 2004];

– имагологии и политического дискурс-анализа [Камалова 2018; Красильникова 2006; Цыганков 2024].

Гипотеза исследования заключается в предположении, что фразеологическая репрезентация оппозиции «хион – æцæгæлон» в осетинском языке организована как иерархическая когнитивно-семиотическая система, где данная дихотомия выполняет роль когнитивного фильтра, определяющего специфику телесной метафоризации и этического кодирования, а фиксируемая во внутренней форме идиом ценностная асимметрия отражает приоритет социокультурных и конвенциональных факторов кодекса *Æгъдау* над кровнородственной детерминацией.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеологическая репрезентация оппозиции «хион – æцæгæлон» («свой – чужой») в осетинском языке подчинена действию авторской интегративной когнитивно-дискурсивной модели процесса фразеологизации, реализуемой через четыре сопряжённые стратегии: гносеологическое означивание, аксиологическое шкалирование, кросс-доменное картирование и интердискурсивный трансфер. В рамках модели разграничены довербальный этап формирования образных схем на уровне универсально-предметного кода и этап вербализации, опосредованный системой этнокультурных фильтров и аксиологических координат социума. Теоретически разграничены категории фраземосемиозиса как микроуровня порождения отдельного фразеологизма и фразеосемиозиса как макроуровня системной самоорганизации идиоматики. Доказано, что фразеологизация представляет собой не линейный, а рекурсивный процесс, выражающийся в способности актуализированных в публицистике и эпосе фразем оказывать обратное модифицирующее влияние на ценностную матрицу этноса.

2. Во внутренней форме осетинских фразеологизмов, вербализующих оппозицию «хион – æцагæлон», выявлена система базовых лингвокультурных кодов. Это соматический, пространственный, биоморфный и соционормативный коды. Установлено доминирование соматического кода (ядерные доноры *зардаæ* «сердце», *цæст* «глаз», *туг* «кровь», *къух* «рука», *сæр* «голова»), что подтверждает телесную мотивированность осетинской идиоматики. При этом статус «своего» присваивается не только по крови: фразеологизм *мах лæг уын* (букв. «быть нашим человеком») закрепляет включение в категорию «своих» через поведенческий ценз – соответствие императивам *Æгъдау*. Доказано, что отграничение «своего» пространства осуществляется через метафоры органической целостности тела, тогда как категоризация «чужого» строится через ментальные сценарии дисфункции, изоляции или отторжения соматических элементов. Материал верифицирован на текстах Нартского эпоса и институциональных предписаниях кодекса *Æгъдау*.

3. Осуществлена авторская фреймово-кодовая стратификация макрополей «хион» (107 ФЕ / 59 %) и «æцагæлон» (75 ФЕ / 41 %). Установлено, что внутри макрополя «хион» доминирует эмоциональная близость и ритуальная солидарность, а внутри макрополя «æцагæлон» – онтологическая чуждость и внутренняя девиация. Составлена количественно-семантическая матрица аксиологической асимметрии: мелиоративный ряд «æцагæлон» представлен 48 ФЕ (26,4 %), пейоративный ряд «хион» – 26 ФЕ (14,3 %). Это является свидетельством наличия развитого инструментария ритуального перевода «чужого» в категорию «своих».

4. На основе авторского когнитивного моделирования верифицировано, что оппозиция «хион – æцагæлон» реализуется в осетинской фразеосистеме не как бинарная пара, а как многомерная шкала ментальных дистанций. Выделено пять зон ментальных дистанций: зона ценностного кодирования (116 ФЕ / 64 %), зона социального кодирования (47 ФЕ / 26 %), ядерная зона генетического кодирования (10 ФЕ / 5,5 %), зона пространственного кодирования (6 ФЕ / 3 %) и зона конвенционального кодирования (3 ФЕ / 1,5 %). Эталонным кодовым транслятором биологической и духовно-идеологической близости выступает лексема *туг* «кровь», восходящая к древнеиранской основе *tauka-* («семья, потомство»).

5. На материале репрезентативного ИК установлены точные количественные показатели плотности ФЕ оппозиции «хион – æцагæлон». Плотность фразеологических единиц рассчитывалась как количество

употреблений на 1 млн словоупотреблений (IPM). В публицистических текстах плотность составляет 488,6 IPM (1560 употреблений, 117 уникальных ФЕ), в художественных – 456,4 IPM (1820 употреблений, 142 уникальные ФЕ), в эпических – 164,9 IPM (140 употреблений, 48 уникальных ФЕ). Показано, что в художественных текстах ФЕ оппозиции используются для актуализации индивидуально-психологической близости, в публицистических – для актуализации коллективной и политической солидарности. Из 182 словарных ФЕ в реальной дискурсивной практике верифицировано 149 единиц (81,9 %).

6. На материале Нартского эпоса и кодекса *Æгъдау* доказано, что граница между «своим» и «чужим» в осетинской лингвокультуре не является абсолютной и непроницаемой. Выявлены механизмы перехода из категории «чужого» в категорию «своего»: в Нартском эпосе это дарение фандыра Сырдоном; в традиционной социальной практике – обычай *хъоды*, регламентирующий процедуру прощения и снятие изгнания; на языковом уровне определена экспликация реверсной трансформации устойчивыми единицами. Так, семантический сдвиг компонента *арвистон* (букв. «смесь сена и соломы») демонстрирует переход от маркера иноэтнического происхождения к обозначению нарушителя этико-социальной нормы. Доказано, что кодекс *Æгъдау* функционирует как нормативный фильтр, в котором этический императив сильнее биологической детерминации.

7. Разработана авторская типология кодирования ФЕ, переводящая традиционные структурно-семантические классы В.В. Виноградова в ранг динамических мыслительных стратегий. На основе градуальной шкалы прозрачности внутренней формы знака все 182 фразеологизма распределены по трём системным модальностям: модальность когнитивной консервации (10 ФЕ / 5 %), модальность образно-гештальтного моделирования (76 ФЕ / 42 %) и модальность дискретно-аналитического конструирования (96 ФЕ / 53 %). Квантитативное доминирование модальности дискретно-аналитического конструирования в сочетании с высокой номинативной плотностью операторов конвенционально-социального контракта верифицирует базовую структурно-семантическую асимметрию осетинской фразеосистемы в пользу категории «хион» («свой»). Это доказывает приоритет ценностно-нормативных конвенций кодекса *Æгъдау* над биологической и кровнородственной детерминацией.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в осетиноведении осуществлено комплексное описание фразеологической репрезентации оппозиции «хион – æцагæлон» («свой – чужой») на материале

репрезентативной выборки с привлечением исследовательского корпуса общим объемом 8 028 980 словоупотреблений, что позволило перейти от интуитивных и описательных подходов к верифицируемым количественным данным. Разработана концептуально-интегративная модель осетинской фразеосистемы, базирующаяся на когнитивных стратегиях гносеологического означивания, аксиологического шкалирования, кросс-доменного картирования и интердискурсивного трансфера. Впервые предложена иерархическая классификация онтологических типов близости и отчуждения; проведён системный анализ интегративных синонимических рядов кода «хион» («свой») и отчуждающих синонимических рядов кода «æцæгæлон» («чужой»), установлена аксиологическая инверсия – когнитивное преобладание мелиоративного ряда макрополя «æцæгæлон» над пейоративным рядом макрополя «хион». Осуществлен когнитивный анализ внутренней формы осетинских фразеологизмов с выделением четырёх базовых лингвокультурных кодов и поликодового кластера. Разработана типология когнитивного кодирования фразеологизмов, дифференцирующая сращения, единства и сочетания по характеру присущих им модальностей когнитивного кодирования культурного опыта. Впервые установлены количественные показатели плотности фразеологизмов, вербализующих исследуемую оппозицию в разных типах осетинского дискурса. Квантитативная доминанта концепта «хион» обоснована историко-этимологически: с опорой на труды В.И. Абаяева показано восхождение ядерной лексемы *туг* «кровь» к древнеиранской основе *tauka* со значением «семя, потомство», что верифицирует архаические, доречевые механизмы кодирования родовой идентичности.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теоретических положений когнитивной фразеологии и лингвокультурологии применительно к осетинскому материалу. Разработанная концептуально-интегративная модель фразеосистемы как иерархии когнитивных стратегий кодирования опыта вносит вклад в теорию фразеосемиозиса, а предложенные классификации (семантическая и типология когнитивного кодирования) применимы при изучении фразеологических систем других языков, в том числе иранских и кавказских. Установленные корреляции между фразеологической репрезентацией оппозиции «хион – æцæгæлон» («свой – чужой») и культурными кодами *Æгъдау* и Нартского эпоса расширяют представления о механизмах этнокультурной идентификации и способах вербализации этнической идентичности.

Практическая значимость работы определяется прикладным характером результатов исследования. Они могут быть использованы в вузовских курсах и семинарах по теоретической лингвистике, когнитивной фразеологии, лингвокультурологии, лексикологии осетинского языка, теории дискурса и межкультурной коммуникации, в практике преподавания осетинского языка как родного и как иностранного, а также при составлении учебных пособий и фразеологических словарей осетинского языка нового типа, учитывающих когнитивные и лингвокультурологические параметры описания. Материалы и выводы исследования применимы в сопоставительной фразеологии иранских и кавказских языков, в корпусной лингвистике и в автоматической обработке осетинского языка.

Достоверность полученных результатов и выводов обеспечивается репрезентативностью и надёжностью исходного фактического материала (182 ФЕ, верифицированные в корпусе объёмом 8 028 980 словоупотреблений, включающем художественные тексты – 49,7 %, публицистические – 39,8 %, эпические – 10,6 %), а также интегративным методологическим подходом.

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы обсуждались на заседаниях кафедры романо-германских языков Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова, а также были представлены в докладах на конференциях различного уровня: Всероссийская научная конференция «Вопросы филологии и лингводидактики в эпоху цифровизации» (Владикавказ, 2023); XV Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Казань, 2025); II Всероссийская конференция с международным участием «Вопросы филологии и лингводидактики в эпоху цифровизации» (Владикавказ, 2025); I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Образование и наука в высшей школе: педагогические вызовы и решения» (Владикавказ, 2025); XVI Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Майские чтения (Язык и репрезентация культурных кодов)» (Самара, 2026). Всего по теме диссертации опубликовано 8 работ, из них 5 статей в научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Объем и структура диссертации. Структура работы подчинена последовательному решению поставленных задач и включает введение, три главы, заключение, список литературы, список словарей и список источников (281 наименование). Общий объём диссертации составляет 204 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Фразеологическая система языка как объект когнитивно-дискурсивного описания этноязыковой картины мира» посвящена построению методологической базы исследования. В ней разграничиваются понятия фраземосемиозиса и фразеосемиозиса, описывается когнитивная природа универсально-предметного кода, рассматривается специфика оппозиции «свой – чужой» в рамках теории воплощённого познания, а также представлен историографический обзор осетиноведческой фразеологической науки.

Антропоцентрическая парадигма и возникновение когнитивных и дискурсивных исследований в лингвистике способствовали переосмыслению фразеологического фонда. В современной лингвистике фразеологизмы понимаются уже не как статичный инвентарь, а как динамическая форма репрезентации этнокультурного знания в сознании носителей языка. Фразеологизм представляет собой многомерный «сгусток культурного кода», в котором присутствуют свёрнутые сложные социокультурные и аксиологические сценарии. Когнитивный подход в исследованиях фразеологии позволяет эксплицировать скрытые во фразеологизмах ментальные структуры, которые обеспечивают хранение, трансляцию и интерпретацию опыта в дискурсе.

В работе проведено разграничение двух уровней фразеологического семиозиса, отвечающих за означивание этноязыковой картины мира. Под фраземосемиозисом понимается ментально-дискурсивный акт порождения отдельного фразеологизма. Данный процесс детерминирован интенцией говорящего и фиксацией образа во внутренней форме единицы. Фразеосемиозис, напротив, представляет собой макроструктурный процесс концептуальной самоорганизации всей фразеосистемы этноса в иерархические поля и оппозиции. Этот процесс выполняет функцию семиотического барьера и консервирует национальную идентичность. Инструментами обеих категорий семиозиса выступают концептуальная метафора как проекция из домена-источника в домен-мишень, концептуальная метонимия как внутридоменное сжатие информации, а также лингвокультурная рефлексия, которая выступает в роли ценностного фильтра этноса.

Процесс фразеологизации рассмотрен в свете теории универсально-предметного кода. Полученные данные свидетельствуют о том, что на довербальном психобиологическом уровне ментальное содержание оппозиции «свой – чужой» кодируется в виде сенсомоторных образных схем («вместилище», «граница»), которые ещё лишены социальных оценок. Социально-аксиологический статус этой оппозиции, воплощённый в концептах «хион» и «æцæгæлон», формируется только на этапе вербализации, когда ментальное содержание пропускается через этнокультурные фильтры коллективного уровня. Принцип дискурсивной цикличности отвечает за то, что актуализированные в прессе и эпосе фраземы способны оказывать обратное модифицирующее влияние на ценностную матрицу этноса.

Обзор работ по фразеологии осетинского языка выявил закономерную смену этапов. Для работ первого этапа характерна фиксация фразеологизмов как иллюстративного материала для морфосинтаксических и этнографических описаний (А.М. Шёгрэн, Вс.Ф. Миллер, В.И. Абаев). На следующем этапе последовала системно-структурная классификация (М.И. Исаев) и нормативная кодификация (З.Т. Дзабиты). Современный этап характеризуется синтезом когнитивно-семиотического и прагматического подходов и представлен в работах Л.Б. Гацаловой, Л.К. Парсиевой, Р.Г. Цопановой, В.Т. Дзаховой, Т.Ю. Тамерьян и других исследователей. Для современного этапа характерна ориентация на моделирование ценностных структур и концептуальных сетей.

Бинарная оппозиция «свой – чужой» относится к универсальным ментальным константам и проектируется на феномен воплощённого познания. Эталоном категории «свой» служит физиологический и пространственный опыт человеческого тела, локализованный в прототипическом центре «когнитивного дома». «Чужой» когнитивно вытесняется на периферию или за пределы центра. В условиях интенсивных межэтнических контактов, характерных для полиэтнического кавказского ареала, бинарность оппозиции может дробиться на подвижную шкалу градаций близости. Однако в ситуациях социальных кризисов демаркационная линия вновь становится ригидной, выполняя защитную и регулятивную функции этнокультурного щита.

Вторая глава «Актуализация культурно-ценностной доминанты "свой – чужой" в осетинском языке» сосредоточена на прагматическом, аксиологическом и квантитативно-дискурсивном анализе.

Когнитивный анализ внутренней формы осетинских фразеологизмов опровергает гипотезы об их пралогической обусловленности или связи с

синкретическим архаическим мышлением. Установлено, что образная система ФЕ базируется на прагматически детерминированных механизмах концептуальной метафоризации и метонимизации. Исторические образы традиционного быта успешно трансформируются фразеосистемой в логичные, ценностно-нормативные структуры, где демаркация категорий «свой» и «чужой» служит инструментом ментального упорядочивания социума.

Центральным маркером данной оппозиции выступает лексема *туг* («кровь»), кодирующая деление общества на «своих» (носителей общего субстрата) и «чужих» (субъектов, угрожающих целостности рода). Семантический сдвиг компонента *арвистон* (букв. «измельченная смесь сена и соломы») во фразеологизме *арвистон тугæй гуырд* (букв. «рожденный от крови-месива сена и соломы») демонстрирует эволюцию ценностных ориентиров: от первичной фиксации иноэтнического происхождения субъекта к его последующей дисквалификации как нарушителя этико-социальной нормы. Данный факт подтверждает динамический характер осетинского фразеосемиозиса. Логические и прагматические основания фразеосемиозиса в осетинской лингвокультуре обобщены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Логические и прагматические основания фразеосемиоза в осетинской лингвокультуре

На материале текстов Нартского эпоса и социальных практик (институт *хъоды*) доказано, что граница между ментальными сферами «хион» («свой») и «æцæгæлон» («чужой») в осетинской лингвокультуре не является абсолютно непроницаемой. Лингвокультурная верификация «чуждости» начинается с внутриэтнического отказа от императивов национального кодекса (*Æгъдау*), включающего аскетизм, воинскую доблесть и традиционный культ старшинства. Семантика лиминальности персонажа Сырдона эксплицирует траекторию перехода из категории «чужого» в категорию «своего» посредством акта сакрального дарения фандыра, что подтверждает приоритет конвенционально-сакральных факторов над биологической детерминацией. Женское начало в образе Шатаны концептуализируется не как экзогенный («чужой») элемент, а как сакрально маркированное ядро «своего» пространства, что свидетельствует о высоком социальном статусе женщины в традиционном социуме. Механизмы конструирования границ «своего» мира в Нартском эпосе представлены на рисунке 2.

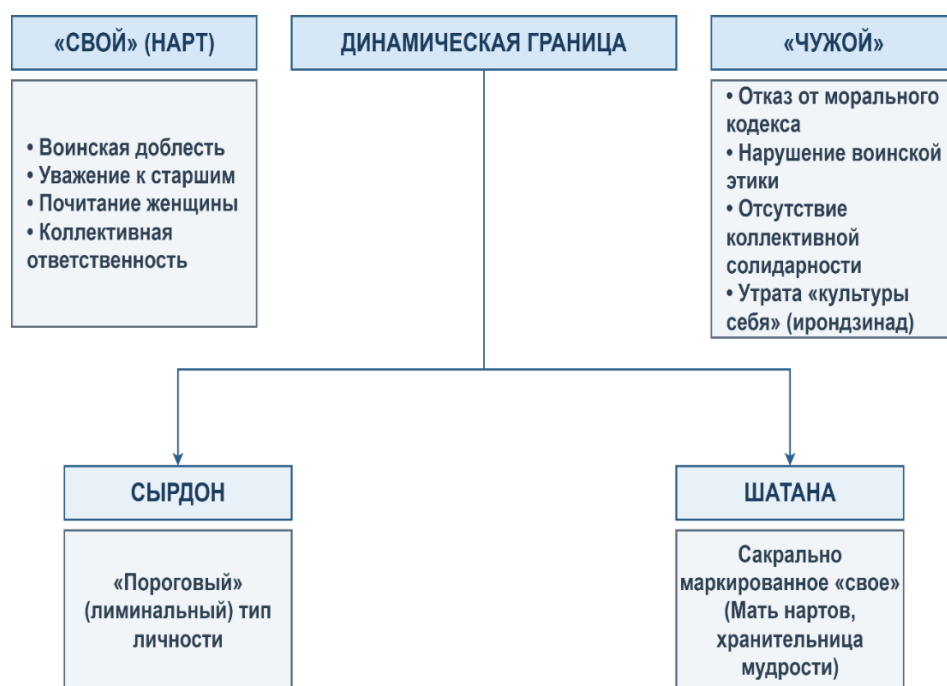

Рисунок 2 – Механизмы конструирования границ «своего» мира в Нартском эпосе

Кодекс *Æгъдау* конституирует оппозицию «хион – æцæгæлон» через регулятивные механизмы инклюзии и эксклюзии. Основным инструментом демаркации границ выступает ритуальное изгнание (*хъоды*), в результате которого индивид претерпевает онтологическое отчуждение, подвергаясь полной социальной и ритуальной изоляции. Обратный механизм интеграции

«чужого» в круг «своих» закреплён в институте *кæнгæ æфсымæр* (букв. «сделанный брат»). Таким образом, этический императив *Æгъдау* функционирует как нормативный фильтр, превалирующий над биологическим родством.

В условиях пролонгированного межъязыкового взаимодействия русский язык выполняет функцию медиатора глобальных концептов. Осетинский фразеологический фонд проявляет высокую степень резистентности, выступая семиотическим барьером против смысловой ассимиляции: ФЕ, репрезентирующие оппозицию «*хион* – *æцæгæлон*», сохраняют этноспецифическую мотивированность без признаков семантического калькирования. В современном осетино-русском билингвизме фиксируется концептуальная гибридизация, при которой жесткая дихотомия «мы – они» трансформируется в многомерную шкалу («свой среди своих, но открытый для других»). Демаркационные линии приобретают ситуативный характер, обуславливая эффект множественной идентичности в современном языковом сознании носителей. Модель интердискурсивной интерференции в условиях осетино-русского билингвизма отражена на рисунке 3.

Рисунок 3 – Модель интердискурсивной интерференции в условиях осетино-русского билингвизма

Анализ дистрибуции ФЕ на репрезентативном исследовательском корпусе объёмом 8 028 980 словоупотреблений выявил существенную неравномерность их жанрового распределения. Из 3520 зафиксированных употреблений (токенов) 1820 репрезентированы в художественном дискурсе, 1560 – в публицистическом, 140 – в эпическом. Максимальная относительная плотность ФЕ, зафиксированная в прессе (488,6 IPM), обусловлена персуазивной установкой массмедийного дискурса. В художественных текстах плотность единиц незначительно ниже (456,4 IPM), однако данный массив характеризуется наибольшим лексическим разнообразием уникальных единиц (типов ФЕ). Минимальная частотность в Нартском эпосе (164,9 IPM) объясняется формульной и архаичной организацией эпического текста, где оппозиция «*хион* – *æцагæлон*» вербализуется не фразеологизмами, а прецедентными высказываниями, фиксируясь преимущественно на уровне сюжетов и мотивов.

Высокая плотность единиц в современных дискурсах отражает процесс диахронической дифференциации и прагматической адаптации первичного эпического кода к актуальным задачам коммуникации. Выявлены качественные различия функционирования ФЕ: в художественном дискурсе доминируют соматические фразеологизмы с компонентами *зæрдæ* («сердце») и *цæст* («глаза»), тогда как в публицистике преобладают коллективно-солидарные маркеры с компонентами *туг* («кровь») и *стаг* («кость»), что отражает дифференциацию когнитивных стратегий. Количественное доминирование ФЕ, маркирующих интеграцию и близость (98 ФЕ / 53,8 % от общего инвентаря), над единицами отчуждения (52 ФЕ / 28,6 %) и переходных зон (32 ФЕ / 17,6 %) позволяет определить аксиологическую доминанту осетинской культуры как приоритет коллективной солидарности и родовой общности.

Полученные результаты позволяют констатировать, что оппозиция «*хион* – *æцагæлон*» («свой – чужой») в осетинской лингвокультуре представляет собой динамический, многоуровневый и аксиологически нагруженный конструкт, регулирующий этническую идентичность в условиях межкультурного взаимодействия. Осетинская фразеосистема выступает транслятором архаических когнитивных сценариев, одновременно адаптируя их к актуальным дискурсивным практикам, что обеспечивает непрерывную трансляцию этнокультурных смыслов и создает эвристическую базу для дальнейшего концептуального моделирования языка.

Третья глава «Когнитивное моделирование осетинской фразеосистемы в свете оппозиции "свой – чужой"» представляет собой финальный когнитивный синтез.

На основе когнитивно-семиотического моделирования удалось верифицировать концептуально-интегративную модель осетинской фразеосистемы и представить её как иерархию когнитивных стратегий кодирования этнокультурного опыта. Иерархическая модель когнитивных стратегий кодирования опыта представлена на рисунке 4.

Рисунок 4 – Иерархическая модель когнитивных стратегий кодирования опыта

Базовая оппозиция «хион – æцæгæлон» («свой – чужой») пронизывает всю концептуальную архитектуру фразеологической системы осетинского языка, регулируя социальные отношения и границы коллективной идентичности. Языковая объективация концептов «хион» и «æцæгæлон» представлена одноимёнными фразеологическими макрополями, объединяющими 107 и 75 ФЕ соответственно. Эмпирическую базу анализа составили 182 фразеологические единицы. Квантитативная асимметрия в пользу макрополя «хион» (в соотношении 59 % к 41 %) трактуется как проявление антропоцентрической доминанты осетинского языкового сознания, ориентированного на моделирование внутренней солидарности.

Фреймово-кодовая стратификация макрополей показала, что категоризация «своего» и «чужого» пространства в осетинской лингвокультуре опирается на систему базовых кодов. Ядро макрополя «хион» конструируется операторами соматического (сердце, кровь, кость),

пространственного (дом, очаг, порог) и соционормативного (*Æгъдау*) кодов. Макрополе «æцæгæлон», напротив, категоризируется через коды соматической дисфункции, биоморфной демаркации и пространственно-инструментального отчуждения, в результате чего внешний субъект репрезентируется как источник коммуникативной опасности.

Когнитивное моделирование градационных зон близости и отчуждения позволило верифицировать, что оппозиция «хион – æцæгæлон» реализуется в осетинской фразеосистеме не как строгая бинарная пара, а как многомерная шкала ментальных дистанций, на которой выделяются ядерная зона довербального гештальтного кодирования, зона конвенционального моделирования родовой и социальной инклюзии, зона ценностно-нормативной концептуализации, зона пространственного проецирования локальной дистанции и зона конвенционального кодирования аффинитивного родства. Эталонным кодовым транслятором как биологической, так и духовно-идеологической близости выступает лексема *туз* («кровь»), восходящая в древнеиранской основе *tauka-* («семя, потомство»).

На основе градуальной шкалы когнитивной прозрачности внутренней формы фразеологического знака и характера ментальных операций разработана единая типология когнитивного кодирования этнокультурного опыта, распределяющая исследуемый корпус по трём системным модальностям:

1. Модальность когнитивной консервации (10 ФЕ / 5 %) – блокировка и изоляция образа вследствие концептуального овеществления, оксюморонного столкновения доменов или историко-этнонимической инкапсуляции.

2. Модальность образно-гештальтного моделирования (76 ФЕ / 42 %) – прозрачный кросс-доменный перенос целостных физических гештальтов в абстрактную сферу этических предписаний кодекса *Æгъдау*.

3. Модальность дискретно-аналитического конструирования (96 ФЕ / 53 %) – покомпонентное распределение концептуальных ролей, при котором глагольные компоненты функционируют как категориальные операторы консолидации, транзакции, каузации и конвенционально-социального контракта.

Квантитативное доминирование модальности дискретно-аналитического конструирования (96 ФЕ / 53 %) в сочетании с высокой номинативной плотностью операторов конвенционально-социального контракта (причастие *кæнгæ*) верифицирует базовую структурно-

семантическую асимметрию осетинской фразеосистемы в пользу категории «хион» («свой»). Это доказывает приоритет ценностно-нормативных конвенций кодекса *Æгъдау* над биологической и кровнородственной детерминацией в осетинской языковой картине мира.

Наряду с количественным перевесом макрополя «хион», аксиологическая стратификация обнаруживает инверсию противоположного характера. Внутри макрополя «æцæгæлон» мелиоративный ряд составляет 64,0 % от объема данного макрополя (48 ФЕ), тогда как внутри макрополя «хион» пейоративный ряд составляет лишь 24,3 % от объема макрополя (26 ФЕ). Это свидетельствует о том, что осетинская фразеосистема не только маркирует «чужого» как источник угрозы, но и располагает развитым инструментарием его ритуального перевода в категорию «своих» через механизмы гостеприимства, куначества, побратимства. Пейоративные ряды присутствуют в обоих макрополях (24,3 % от объема «хион» и 36,0 % от объема «æцæгæлон»), что подтверждает системный характер барьерно-регулятивной функции. Осетинская фразеосистема с равной интенсивностью сохраняет ценностное ядро этноса как от внешних угроз, так и от внутренних дезинтеграционных процессов. Аксиологическая инверсия в структуре макрополей «хион» и «æцæгæлон» отражена на рисунке 5.

Рисунок 5 – Аксиологическая инверсия в структуре макрополей «хион» и «æцæгæлон»

Итоговый когнитивный синтез позволяет определить фразеологическую систему осетинского языка как гибкий адаптивный фильтр, который через ритуально-этикетные механизмы (гостеприимство, куначество, побратимство) обеспечивает не изоляцию этноса, а контролируемый перевод внешнего субъекта из зоны «чужих» в зону «своих». Тем самым фразеосистема конструирует коллективную идентичность и предохраняет ценностно-смысловое ядро осетинской культуры от размывания в полиэтническом пространстве.

В **Заключении** обобщены результаты исследования и подтверждена гипотеза о том, что фразеологическая репрезентация оппозиции «хион – æцæгæлон» («свой – чужой») организована как иерархическая когнитивно-семиотическая система, выполняющая функцию этнокультурного фильтра. Намечены перспективы дальнейшего изучения проблемы, включающие сопоставительный анализ фразеологической репрезентации оппозиции «свой – чужой» в осетинском и других иранских языках, исследование динамики фразеологической системы в условиях цифровой коммуникации, а также экстраполяцию разработанной модели на анализ фразеологических систем других языков кавказского региона.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при
Министерстве науки и высшего образования РФ:*

1. Скрипай, И. И. Концептуально-интегративная модель осетинской фразеосистемы как иерархия когнитивных стратегий кодирования опыта / И. И. Скрипай, В. Т. Дзахова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2026. – № 3. – С. 61–71. (1,18 / 0,59 п.л.).

2. Скрипай, И. И. Механизмы и когнитивно-прагматические мотивы установления границ «своего» и «чужого» (на материале осетинских фразеологизмов) / И. И. Скрипай. – Текст: непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2025. – № 6. – С. 209–218. (0,67 п.л.).

3. Скрипай, И. И. Логические и прагматические миметические механизмы демаркации пространства «свой – чужой» в осетинской лингвокультуре / И. И. Скрипай, В. Т. Дзахова. – Текст: непосредственный //

Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 4. – С. 131–141. (1,11 / 0,55 п.л.).

4. Скрипай, И. И. Типы информации во фразеологизмах / И. И. Скрипай. – Текст: непосредственный // Казанская наука. – 2025. – № 7. – С. 521–524. (0,27 п.л.).

5. Скрипай, И. И. Основные средства языкового воплощения этноперцепции (на материале осетинских фразеологизмов) / И. И. Скрипай. – Текст: непосредственный // Казанская наука. – 2025. – № 9. – С. 538–541. (0,1 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

6. Скрипай, И. И. Этнокультурологическая имагология в эпоху цифровизации (на материале осетинских фразеологизмов) / И. И. Скрипай. – Текст: непосредственный // Вопросы филологии и лингводидактики в эпоху цифровизации: материалы II Всероссийской научной конференции. – Владикавказ: СОГУ, 2025. – С. 232–247. (0,72 п.л.).

7. Скрипай, И. И. Типы культурной информации, сохраняемой в английских, французских и русских фразеологических знаках, репрезентирующих концепты «свой» / «чужой» / И. И. Скрипай. – Текст: непосредственный // Русский язык и культура в зеркале перевода: XV Международная научная конференция. – Казань, 2025. – С. 517–526. (0,49 п.л.).

8. Скрипай, И. И. Алгоритм определения ценностной составляющей концепта «свой/чужой» в английской, французской и русской фразеологии / И. И. Скрипай. – Текст: непосредственный // Школа анализа данных: тезисы докладов научно-практической конференции. – Владикавказ: СОГУ, 2022. – С. 54–57. (0,1 п.л.).

Подписано в печать: 09.10.2026 г.

Гарнитура Таймс. Печать трафаретная. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. заказ № 2032.

Типография ООО НПКП «МАВР», Лицензия Серия ПД №01107,
362002, г. Владикавказ, ул. Августовских событий, д.8,
тел.: +7 918-706-55-11
e-mail: tip_mavr@mail.ru